

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Э50

Ashley Elston
TEN BLIND DATES

Published by arrangement with Rights People,
London and The Van Lear Agency.

Дизайн обложки Е.Климовой

Элстон, Эшли.

Э50 10 свиданий вслепую: роман / Эшли Элстон;
пер. с англ. Т. Хазанзун. – Москва: Изда-
тельство АСТ, 2020. – 352 с. – (Повезет в любви).

ISBN 978-5-17-117638-9

Софи с нетерпением ждет каникул, чтобы провести их со своим парнем, но тот неожиданно бросает ее. Сердце девушки разбито, и она совсем не в восторге от того, что теперь ей придется остаться в доме своих бабушки и дедушки с многочисленной родней. К ужасу Софи, ее бабушка придумывает способ отвлечь внучку от переживаний – устроить ей десять свиданий вслепую. Все члены семьи принимают участие в подборе парней для Софи и даже делают ставки на успех каждого свидания. К чему приведет эта безумная затея, особенно когда бывший Софи, узнав о свиданиях, решает вернуть девушку?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 2019 by Ashley Elston
© Т. Хазанзун, перевод
на русский язык, 2019

ISBN 978-5-17-117638-9

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Моему мужу Дину, с которым я познакомилась на свидании вслепую в День святого Валентина в 1992 году

и

моим брату и двоюродным братьям и сестрам: Джордану, Стиву, Тодду, Мэттью, Бэт, Гейбу, Кэти, Анне Марии, Сарабэт, Джессике, Ребекке, Мэри Ханне, Эмили, Индии, Кэтрин, Мадлен, Хейли, Амис, Римс и Джону.

Спасибо за мое волшебное детство, проведенное с вами.

Пятница, 18 декабря

— Ты уверена, что не поедешь с нами?

Мама свешивается из пассажирского окна и крепко сжимает меня в объятиях уже в десятый раз за последние десять минут. Умоляющий тон ее голоса делает свое дело: я едва сдерживаюсь, чтобы не сдать и не прыгнуть на заднее сиденье машины, хотя нахожусь в шаге от первого глотка свободы. В ответ я обнимаю маму крепче обычного.

Папа наклоняется вперед, отчего его лицо подсвечивается мягким голубым светом приборной панели.

— Софи, нам очень не нравится оставлять тебя здесь на Рождество. Кто проследит за тем, что я сделал вилкой достаточно дырок в арахисовых печенках? Не уверен, что мне одному можно доверить это.

— Уверена, что ты справишься, — смеюсь я.

Я тоже справлюсь. Прощаться тяжело, но я ни под каким предлогом не собираюсь маяться пол-

торы недели в доме Марго, глаза на ее распухшие ноги и руки.

Мои родители едут в Брукс Бридж — маленький городок в Южной Луизиане, в четырех часах езды отсюда, к моей сестре и ее мужу. Через шесть недель Марго должна родить первенца. У нее развилась сочетанная преэклампсия, и даже не спрашивайте меня, что это значит. Я знаю только то, что у нее чудовищно распухли ноги и руки. И я знаю об этом только потому, что Марго все время лежит в постели и так ужасно скучает, что постоянно шлет мне фотки своих распухших ног со всевозможных ракурсов.

— Я ведь не остаюсь одна, — продолжаю убеждать я родителей. — Я буду в компании бабушки, дедушки и еще двадцати пяти родственников.

Папа закатывает глаза и бормочет:

— Не понимаю, почему все они все время торчат в одном доме.

Мама толкает его в бок. Наша большая семья — не повод для шуток. Моя мама — одна из восьми детей, и у каждого из ее сестер и братьев есть по несколько собственных детей. В доме бабушки с дедушкой всегда полно людей, но во время праздников он превращается в Центральный вокзал Нью-Йорка. Кровати и места за столом распределяются по старшинству, поэтому, когда я и мои двоюродные сестры были помладше, мы проводили канун Рождества, укладываясь как сардинки на соломенном тюфяке, брошенном прямо на пол, и ели чуть ли не на коленках.

— Ты уверена, что не хочешь остаться с Лизой? В ее доме будет потише, — предлагает мама.

Уверена. Мне будет хорошо у бабушки с дедушкой.

В доме тетушки Лизы, *возможно*, будет потише. Они с мамой — близняшки, родились с разницей в три минуты, и поэтому она приглядывает за мной так же пристально, как и мама. А это совсем не то, чего мне хочется. Мне хочется немного свободы и побыть наедине с Гриффином. Когда живешь в маленьком городке, где твой отец — начальник полиции, уединиться получается редко.

— Ладно. Мы с папой вернемся вечером после дня рождения бабушки. Потом откроем подарки. — Мама ерзает на переднем сиденье, явно не готовая уезжать. — Если бы родители Брэда уже не уехали туда, нам бы не пришлось ехать. Ты же знаешь, как его мама всегда старается навести порядок в кухне Марго и переставляет вещи. Не хочу, чтобы Марго переволновалась, гадая, что эта женщина делает на ее кухне, в то время как она сама не может встать с постели.

— И упаси боже, чтобы *его* родители заботились о *твоей* дочери, — поддразниваю я.

Мама слишком трясется над нами. Марго лишь сказала, что к ним приезжают родители ее мужа, и этого хватило, чтобы мама тоже начала собираться в дорогу.

— Мы могли бы подождать и поехать утром, — предлагает мама отцу.

Папа мотает головой, прежде чем она успевает договорить.

— Мы доедем быстрее, если поедем вечером. Завтра — последняя суббота перед Рождеством. На дорогах будет столпотворение. — Он еще раз наклоняется и встречается со мной взглядом. — Собирай вещи и немедленно поезжай к бабушке с дедушкой. Позвони им, чтобы они знали, что ты выехала.

В этом весь отец — сама деловитость. Впервые за много лет отца не будет в полицейском участке несколько дней.

— Хорошо.

Я еще раз обнимаю маму, посылаю воздушный поцелуй отцу, и они уезжают.

Ярко-красные задние фары внедорожника наконец исчезают, и меня захлестывает поток эмоций — дрожь предвкушения вкупе с болью, поселившейся глубоко внутри. Изо всех сил стараюсь от нее избавиться. Не то чтобы я не хотела быть с ними — от одной мысли, что рождественским утром я проснусь без родителей, мой желудок скручивается в тугий узел, — но я просто не в состоянии провести все каникулы в тесной квартире Марго и Брэда.

Вернувшись в свою комнату, я первым делом звоню бабушке, сказать, что приеду к ней через несколько часов. Ее отвлекают: в трубке слышны громкие голоса покупателей, заглянувших в ее цветочный магазин, и понятно, что она слушает меня вполуха.

— Поезжай осторожно, милая, — просит бабушка. Уже вешая трубку, я слышу, как она кричит кому-то, сколько стоит пуансеттия в оранжерее Рэнди, и усмехаюсь.

Сейчас шесть часов, и из Миндена до Шривпорта, где живут мои бабушка с дедушкой и остальная семья, ехать недолго. Бабушка не будет ждать меня раньше десяти.

Четыре великолепных часа для себя.

Я падаю на кровать и смотрю на медленно вращающийся под потолком вентилятор. Хотя мне уже семнадцать, родители не любят оставлять меня одну дома. И даже когда такое случается, обязательно кто-нибудь да заглянет, чтобы *просто проверить, как дела*. Такая вот фигня.

На ощупь нахожу на кровати телефон и звоню Гриффину, чтобы сообщить ему, что осталась в городе, но после восьми гудков включается голосовая почта. Надиктовываю текст, потом жду, когда на экране появятся три точки. Я не говорила ему, что пытаюсь убедить родителей оставить меня: зачем расстраиваться, если ничего не выйдет?..

Гипнотизирую пустой экран еще несколько секунд, потом бросаю телефон на кровать и подхожу к столу, где раскиданы косметика, цветные карандаши и лаки для ногтей. Вся доска на стене передо мной увешана карточками колледжей, которые я рассматриваю для поступления. К каждой из них прикреплены список плюсов (написаны зеленым цветом) и минусов (красным) и все требования к абитуриентам. На нескольких нарисована большая зеленая галка, означающая, что все требования выполнены и я принята, но на большинстве стоит отметка, что известий о зачислении пока нет. Я на-

зываю это «доской вдохновения», а мама говорит, что это «доска моего безумия».

Взгляд падает на первую карточку, которую я повесила в начале девятого класса: Университет Луизианы. Когда-то я думала, что это единственный колледж, который мне нужен. Но со временем поняла, что нужно иметь несколько вариантов.

Телефон булькает, и я бросаю взгляд на кровать. Но это не сообщение от Гриффина, а просто уведомление о том, что кому-то понравился мой последний пост.

Я еще раз окидываю взором пустые карточки, прикрепленные к доске, и вдруг начинаю думать о Гриффине. Мы встречаемся уже около года, однако школа всегда стояла для нас на первом месте, поэтому сейчас, с началом двухнедельных каникул, когда не нужно беспокоиться об экзаменах в середине семестра, мысль о том, чтобы остаться с ним наедине, приводит меня в возбуждение. И хотя мы не спешим развивать отношения, я соврала бы, если бы сказала, что не думала о том, чтобы перевести их на новый уровень.

Плюсы:

Вместе почти год.

Мы старшеклассники, и нам почти восемнадцать.

Минусы:

Он еще не говорил «люблю тебя».

Не уверена, что могу сказать ему «люблю тебя».

Мама точно распереживается, если увидит этот список, поэтому я пытаюсь не торопить события.

Телефон булькает снова. Увидев иконку входящего сообщения, я чувствую, как екает сердце. Но это Марго прислала мне очередную фотку. Открываю ее и разглядываю несколько минут. Кто-то должен забрать у нее телефон.

Я: ?! Что это?!

МАРГО: Это мои пальцы крупным планом. Между ними нет никакого промежутка. Я не могу ни пошевелить ими, ни раздвинуть их. Они как маленькие сардельки.

Я: Вдруг они никогда не станут нормальными?! Навсегда останутся как сардельки? А вдруг ты больше не сможешь носить шлепки потому, что перемычка не будет пролезать между пальцами? Ребенку будет стыдно за тебя с такими ногами.

МАРГО: Думаю, что пальцы сардельками на ногах лучше, чем на руках. Может, придется носить уродливые ортопедические туфли, как у тетушки Тоби.

Я: Ты можешь украсить их стразами. И написать свое имя краской сбоку. Это будут прекрасные туфли для пальцев-сарделек.

МАРГО: Теперь из-за тебя мне захотелось сарделек.

Я: Ты отвратительна. И ты запугала меня на всю оставшуюся жизнь. Я никогда не забеременею из-за страха пальцев-сарделек и уродливых ортопедических туфель.

Проходит несколько минут, прежде чем сестра присылает ответ.

МАРГО: Мама только что прислала сообщение, что ты не приедешь! Какого черта, Соф? Я надеялась, что ты спасешь меня от этих дрызг между мамой и Гвен. Ты же знаешь, как это бывает, когда они встречаются!

Я: Давай уж как-нибудь сама. Надеюсь, они будут сражаться за возможность вычистить ворсинки, застрявшие между твоими пальцами-сардельками. Возможно, им понадобится зубная нить.

МАРГО: Твоя картинка теперь всегда будет стоять у меня перед глазами. Я буду мучить тебя этими пальцами-сардельками до конца твоих дней!

Я: Я приеду, когда ты родишь.

МАРГО: Обещаешь?!

Я: Обещаю.

МАРГО: Ну что, Гриффин еще не примчался?

Я: Не твое дело.

МАРГО: Да брось. Нет, подожди... не уходи!

Я: Ха-ха.

Бегло просматриваю все социальные сети в ожидании звонка Гриффина. Наконец звонит телефон, и его имя высвечивается на экране. Я даже не пытаюсь подавить улыбку, расплывающуюся на лице.

— Привет! — он пытается перекричать громкую музыку и шум на заднем фоне.

— Привет! Ты где?

— У Мэтта.

Я уже видела несколько постов от ребят, которые собрались на заднем дворе и у бассейна дома Мэтью,

в том числе и Эдди, моей лучшей подруги, с которой мы дружим с третьего класса.

— Ты едешь к Марго?

— Планы поменялись. Я остаюсь у бабушки с дедушкой. Но мне нужно быть там только через несколько часов.

— Что? Я тебя почти не слышу! — кричит Гриффин в трубку.

— Планы изменились! — кричу я. — Я остаюсь здесь!

Я слышу ритмичные басы на фоне, но не могу определить, что за песня играет.

— Не могу поверить, что твой отец не увез тебя.

— Такие дела. Хочешь приехать ко мне? Или я могу приехать к Мэтту.

Гриффин секунду молчит и потом говорит:

— Приезжай к Мэтту. Все здесь.

Чувствую приступ сильнейшего разочарования.

— Ладно, скоро буду, — отвечаю я и отключаюсь.

* * *

Народу в доме Мэтта оказалось больше, чем я ожидала увидеть. Сегодня — последний школьный день перед началом каникул, и, похоже, все хотят это отметить. Повсюду развешаны гирлянды и горят огоньки: на доме, в доме, вокруг дома, на кустах и деревьях.

В основном все одеты в футболки и шорты, поэтому даже такое количество лампочек не создает ощущения настоящего праздника. Какая зима, когда вокруг роятся комары! Дурацкий луизианский климат!

Я паркуюсь через четыре дома — на ближайшем месте, которое смогла найти, — и даже отсюда слышу музыку со двора Мэтта. Не удивлюсь, если через час соседи вызовут сюда полицию. Надеюсь, к тому времени все уже разойдутся; будет сложно объяснить копу, который обязательно позвонит моему отцу, почему я нахожусь здесь, вместо того чтобы ехать к бабушке.

Добравшись до дома Мэтта, замечаю парня и девушку, сидящих на траве возле дороги, — по всей видимости, они ругаются. Рановато началось представление... Заметив меня, они умолкают, и я ускоряю шаг, чтобы не мешать им. Направляюсь в сторону, откуда доносится музыка, и попадаю на задний двор рядом с бассейном. Я уже собираюсь обогнуть дом, как вдруг чувствую, что кто-то тянет меня за руку, и тут же оказываюсь в крепких объятиях.

— Я уже думала, ты не придешь! — Эдди кричит так громко, что несколько человек оглядываются на нас.

— Представляешь, я смогла уговорить родителей поехать без меня!

— Не представляю! Ты остаешься у бабушки? — Она надувает губы. — Не могу поверить, что ты здесь!

Я улыбаюсь.

— Да, тебе придется поверить. У меня есть план. Бабушка будет так занята весь день, что вряд ли хватится меня. Я вернусь обратно, и мы сможем потусить.

— Твои родители взбесятся, если узнают. Надо спрятать твою машину. — Эдди подпрыгивает на месте. — О! Позовем Оливию. Я ее сто лет не видела!

Я киваю, хотя сомневаюсь, что она захочет вернуться со мной. Оливия — одна из моих многочисленных двоюродных сестер, дочь маминой сестры-близняшки Лизы. Я старше ее всего на два месяца, и в детстве мы были неразлучны, но в последние два года стали видеться реже.

— Оливия помогает бабушке в магазине. Не думаю, что она сможет отлучиться.

Эдди уже тащит меня к бассейну.

— Нам надо придумать, как вытащить ее отсюда, — с горящими глазами заявляет она.

— Ты видела Гриффина? — спрашиваю я, меняя тему.

— Нет еще, мы с отцом только что приехали. Может, он где-то там. — Она кивает в сторону дома. — Хочешь пива?

— Не-а, мне скоро ехать к бабушке. Пойду, поищу бутылку воды.

Эдди направляется к бочонку, спрятанному в кустах, а я протискиваюсь через толпу. Музыка гремит настолько оглушительно, что ребята, с которыми я пытаюсь поговорить по пути, вообще не слышат меня.

Наконец дохожу до комнаты и вижу там нескольких друзей Гриффина.

— Софи! В чем дело?! — Крис от удивления тащит на меня глаза, а потом пытается обнять.

Он уже разделся до майки и трусов. Я вытягиваю руку, чтобы он оставался на безопасном от меня расстоянии. На вечеринках Крис всегда напивается так, что раздевается почти догола. Однажды

на школьную дискотеку по случаю Хеллоуина он оделся ковбоем, но к концу вечеринки на нем остались лишь пара кожаных гетр и боксеры. Ему пришлось неделю отсидеть в тюрьме за непристойное обнажение.

— Все в порядке. Где Гриффин? — спрашиваю я и разворачиваюсь, осматривая комнату.

Крис указывает куда-то за спину.

— Где-то там. Пошел за пивом.

Я киваю и обхожу его. Продвигаться через толпу людей трудно, но наконец я замечаю Гриффина, который как раз заходит в маленькую кухню позади раздевалки бассейна. Мне требуется несколько минут, чтобы добраться туда, потому что застаеваю среди танцующих людей. Джош Питерс не дает мне пройти, пока не покружусь с ним несколько раз. Я почти захожу в кухню, как музыка вдруг перестает греметь, и я слышу голос Гриффина:

— Софи сейчас придет.

Я останавливаюсь, но не из-за слов, а из-за интонации, с которой он это говорит, — она полна разочарования.

Паркер, один из лучших друзей Гриффина, вытаскивает две банки пива из холодильника. Никто из них не замечает, что я стою за дверью.

— Я думал, она уезжает к своей сестре или еще куда-то, — говорит Паркер.

Гриффин качает головой:

— Должна была, но не уехала.

Он так разочарованно говорит о том, что я осталась, словно я испортила ему каникулы. Понимаю